

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.П. Лопухин

Семейные отношения по законам
Моисея

Опубликовано:
Христианское чтение. 1878. № 9-10. С. 341-377.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Семейныя отношенія по законамъ Моисея.

Семья представляет собою ту естественно сплоченную единицу, которая лежитъ въ основѣ государства, составляетъ первичный зародышъ общественногосударственной жизни и поэтому имѣетъ опредѣляющее значеніе для всего ея строя: отъ того или другаго склада семьи зависитъ тотъ или другой характеръ самой государственной жизни, отъ нормального или ненормального состоянія семейныхъ отношеній, отъ крѣпости или слабости семейныхъ узъ зависитъ нормальное или ненормальное состояніе самого государства, крѣпость или слабость его организма. Въ виду такого важнаго значенія семьи въ государствѣ всѣ законодатели заботились о томъ, чтобы насколько возможно лучше организовать семью и тѣмъ сдѣлать ее источникомъ процвѣтанія и крѣпости государства. Но семья образовывалась и отношенія ея устанавливались еще прежде, чѣмъ мысль, освободившись отъ господства несознательно сложившихся отношеній, могла критически отнестись къ даннымъ установленіямъ и дать имъ теоретически выработанное направленіе. Всѣ законодатели съ своими теоретически выработанными законами являлись не къ сырому, несформированному матеріалу, а имѣли предъ собою уже организованное цѣлое, съ окрѣпшими отношеніями, управляемыми обычнымъ правомъ. Задача законодателей сводится въ такомъ случаѣ на простое упорядоченіе существующихъ отношеній, для сообщенія имъ направленія, соответствующаго основной идеѣ законодательства. Тоже самое имѣло мѣсто и по отношенію къ законодательству Моисея ¹⁾. Синайское законода-

---

¹⁾ Синайское законодательство здѣсь называется «Моисеевымъ» въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно называется такъ въ Иоан. VII, 22; Матѣ. XIX, 8; Лук. XXIV, 44 и пр.

тельство, новое по своимъ началамъ и цѣлямъ, своею, такъ сказать, предметною стороною однакоже опиралось на древнее, имѣвшее за собою многовѣковую исторію, обычное право, освященное жизнью великихъ родоначальниковъ-патріарховъ еврейскаго народа. Съ этимъ обычнымъ правомъ законодатель имѣлъ дѣло и въ области семейныхъ отношеній, принимая ихъ какъ готовые данныя, нуждавшіяся лишь въ болѣе строгомъ, юридически опредѣленномъ упорядоченіи и приведеніи въ соотвѣтствіе съ основными началами новаго законодательства. Отсюда при изслѣдованіи законовъ Моисея о семейныхъ отношеніяхъ необходимо имѣть въ виду и господствовавшее до него обычное право, выразившееся въ предшествовавшей исторіи. Но такъ какъ и само обычное право имѣетъ въ своей основѣ общее воззрѣніе на сущность семейныхъ отношеній, то для уясненія сущности какъ обычнаго права, такъ и собственно Моисеева законодательства въ области семейныхъ отношеній, необходимо имѣть въ виду основное библейское воззрѣніе на сущность этихъ отношеній.

Семейныя отношенія предполагаютъ прежде всего бракъ и потому лучше всего начать бы съ этого акта. Но для изслѣдованія здѣсь представляется кругъ, такъ какъ самъ бракъ предполагаетъ личности, жившія до заключенія брака, имѣвшія свои права и обязанности, вліявшія на самое заключеніе брака. Поэтому одни изслѣдователи, какъ напр. Зальшюцъ, Элеръ ¹⁾ и др. начинаютъ разсмотрѣніе Моисеевыхъ законовъ о семейныхъ отношеніяхъ съ брака, другіе напротивъ — съ разсмотрѣнія юридическаго положенія дѣтей, какъ напр. Михаэлисъ, Пастореть, Эвальдъ ²⁾ и др. Мы съ своей стороны предпочитаемъ принять методъ послѣднихъ, такъ какъ это даетъ удобства къ болѣе цѣльному изложенію юридическихъ правъ личностей по семейному праву, — въ ихъ добрачномъ, брачномъ и послѣбрачномъ состояніи.

¹⁾ Saalschütz, Mosaisches Recht, Kap. 102. Ochler, Theologie d. A. Testaments, Tom. I, § 102. S. 350.

²⁾ Michaelis, Mos. Recht, § 83. Pastoret, Moysse, considéré comme législateur et Moraliste, chap. IV, S. 191. Ewald. Alterthümer, S. 251.

I.

Юридическое положеніе человѣка въ дѣтскомъ его состояніи опредѣляется большею или меньшею зависимостью его отъ родителей. Эта зависимость, обуславливаемая какъ самымъ происхожденіемъ дѣтей, такъ и разностью ихъ физическаго и умственнаго развитія въ сравненіи съ родителями, во всѣхъ отношеніяхъ заставляющею ихъ прибѣгать къ защитѣ и покровительству послѣднихъ, у различныхъ народовъ была различна, то больше, то меньше, смотря по тому или другому воззрѣнію на человѣка, какъ личность. Гдѣ личность человѣка цѣнилась лишь какъ государственная единица, какъ напр. у грековъ и римлянъ, тамъ зависимость дѣтей отъ родителей была полная, родители имѣли право на жизнь и смерть дѣтей. Напротивъ, гдѣ личность человѣка цѣнилась сама по себѣ, по своему нравственному достоинству, тамъ зависимость эта была слабѣе, ограничивалась лишь необходимыми отношеніями воспитанія. Зависимость такого рода имѣла мѣсто въ семейныхъ отношеніяхъ по Моисееву праву.

Законодатель нигдѣ съ точностію не опредѣляетъ юридическаго положенія дѣтей, оставляя въ силѣ древнее обычное право. А это обычное право, образовавшееся подъ вліяніемъ общаго библейскаго воззрѣнія на жизнь человѣка и выразившееся въ исторіи патріарховъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что юридическое положеніе дѣтей въ домѣ родителей было положеніемъ свободныхъ личностей, зависимость которыхъ ограничивалась только необходимыми условіями руководства и покровительства. Въ этихъ отношеніяхъ нѣтъ ничего похожаго на древнеязыческое право родителей на жизнь и смерть дѣтей. Фактъ въ Быт. XXXVIII, 24, гдѣ отецъ семейства повидимому самовластно и неограниченно распоряжается казнить свою невѣстку, объясняется особенностями патріархальной жизни, въ которой еще не выдѣлились отдѣльныя части общественной жизни, не было еще особенной судебной власти, а она сосредоточивалась въ лицѣ главы семейства. Впослѣдствіи Моисеевымъ законодательствомъ такая власть была отнята отъ главы семейства и передана спеціальной судебной власти, такъ что родители по закону Втор. XXI, 18

непослушнаго сына не могли сами наказывать смертію, а должны были привести его къ старѣйшинамъ города. Произволь родительской власти былъ ограниченъ даже и въ менѣе важныхъ случаяхъ семейной жизни, какъ напр. въ случаяхъ опредѣленія наслѣдства; такъ что отецъ „при раздѣлѣ сыновьямъ своимъ имѣнія своего, не можетъ по своему произволу сыну любимой жены дать первенство предъ первороднымъ сыномъ нелюбимой“, а первенцомъ долженъ вопреки своему желанію признать сына нелюбимой (Втор. 15—17). По отношенію къ дочерямъ родительская власть шире, такъ что отецъ могъ даже продавать ихъ въ рабство, какъ это видно изъ закона Исх. XXI, 7—11 ст.: „Если кто продастъ дочь свою въ рабыни“ и т. д., хотя участь проданной такимъ образомъ дѣвицы законъ облегчалъ тѣмъ, что она въ домѣ своего господина становилась не въ положеніе рабы, а въ положеніе невѣсты и жены господина или его сына. Этотъ законъ, выдающійся въ ряду другихъ законовъ, нуждается въ болѣе подробномъ разсмотрѣніи, такъ какъ онъ представляетъ собою послѣднюю степень, до которой простиралась родительская власть. Сущность его заключается въ слѣдующемъ: отецъ могъ продать свою дочь въ рабыни (ст. 7), но единственно въ виду того, что господинъ или его сынъ женится на ней (ст. 8), такъ какъ неисполненіе этого условія по закону даетъ право дѣвицѣ на выкупъ или освобожденіе (за пренебреженіе послѣ женитьбы). Изъ этого закона видно, что законодатель предоставляетъ отцу право на продажу дочери, но въ тоже время видно, что онъ всѣми мѣрами старается ослабить тяжелыя слѣдствія этого закона, и ограничить самое право. Такъ изъ того положенія, что эта продажа-купля имѣетъ въ виду замужество купленной и что проданная дѣвица получаетъ свободу въ случаѣ пренебреженія или обмана ея ¹⁾, вытекаютъ два естественныя слѣдствія: первое, что дочь нельзя было продать два раза; второе, что ее нельзя было продать такимъ людямъ, бракъ съ которыми воспрещенъ закономъ. Кромѣ того толкователи закона —

¹⁾ Si deceperit, fraudaverit eam — по выраженію Спрійскаго и Аравійскаго перевода. См. Waltonus, Biblia Polyglotta, 1657 an. loco citato.

талмудисты, основываясь на идеѣ закона, налагають на эту куплю-продажу всѣ ограниченія, какія только могло придумать челоуѣколюбіе. Мишна, объ Гемары, Маймонидъ, Микотци и другіе изслѣдователи единогласно утверждаютъ, что только крайняя бѣдность извиняла такое забвеніе природнаго чувства родительской любви. Отець, вынужденный къ такому поступку безвыходною бѣдностью, обязывался своею любовью, справедливостью и честью семейства отдать на выкупъ проданной первое достояніе, какое ему только удастся приобрести при помощи полученной на продажу дочери суммы ¹⁾). Но самая продажа, право на которую предоставлено было отцу, ограничивалась въ собственномъ смыслѣ дѣтствомъ дочери, когда она имѣла менѣе двѣнадцати лѣтъ, т. е. въ такомъ возрастѣ, когда она при неполномъ развитіи самосознанія не могла особенно тяжело чувствовать актъ продажи и легко могла привыкнуть и сродниться съ новымъ домомъ ²⁾). Послѣ двѣнадцати лѣтъ дочь считалась юридически совершеннолѣтнею, вполне освобождалась отъ родительской власти и поступала подъ общее вѣдѣніе закона. Для мальчика юридическое совершеннолѣтіе узаконено было въ двѣнадцать-тринадцать лѣтъ. Этотъ срокъ совершеннолѣтія въ законѣ Моисеевомъ неопредѣленъ, онъ назначается талмудистами; однако есть нѣкоторыя косвенныя указанія, могущія служить подтвержденіемъ этого опредѣленія: такъ Самуиль, по свидѣтельству Іосифа Флавія (Ant. V, 10) двѣнадцати лѣтъ былъ призванъ къ пророчеству, Іисусъ Христосъ двѣнадцати лѣтъ въ храмѣ заявилъ умственную зрѣлость. На востокѣ совершеннолѣтіе и до сихъ поръ опредѣляется въ эти лѣта.

Съ этого времени дѣти становились въ положеніе полноправныхъ членовъ теократическаго государства, и какъ такіе, по древнему раввинскому преданію принимали на себя обязанности по самостоятельному исполненію закона ³⁾, хотя повидимому и прежде допускались къ участію во всѣхъ установленіяхъ закона. Исполненіе

¹⁾ Pastoret, Moyse comme legislateur. et Moraliste, p. 192—194.

²⁾ Mischna tom. 3: de dote litterisque matrimonialibus, c. 3, § 8. См. Pastoret, l. c.

³⁾ Oehler, Theologie d. A. Test. S. 361, § 105.

налагаемыхъ закономъ обязанностей въ эти лѣта еврейскія дѣти могли принимать на себя уже съ полнымъ сознаниемъ не только отдѣльныхъ постановленій, но и самаго духа закона. Законъ въ своихъ не многихъ постановленіяхъ о воспитаніи стремится къ такому проникновенію сознания человѣка съ самаго его дѣтства, и мы для полноты изложенія юридическаго положенія дѣтей, какъ сознательныхъ личностей, считаемъ нужнымъ предварительно указать тѣ постановленія закона о воспитаніи, въ которыхъ выражается это стремленіе.

Точно и подробно въ законѣ не указывается правилъ для воспитанія, — подробную разработку онъ предоставляетъ правовому обычаю и такту воспитателей, но за то онъ съ настойчивостію внушаетъ родителямъ какъ необходимость самого воспитанія, такъ и тотъ духъ, которымъ оно должно быть проникнуто. „Да будутъ слова сіи (постановленія закона), которыя заповѣдаю тебѣ сегодня, въ сердцѣ твоемъ и въ душѣ твоей. *И внушай ихъ дѣтямъ твоимъ*“ (Втор. VI, 6 и 7 ст.). Подобныя постановленія о воспитаніи дѣтей посредствомъ внушенія имъ „словъ закона“ повторяются во многихъ мѣстахъ законодательства (Исх. XII, 26; XIII, 8, 14. Втор. IV, 5, 9, 10; VI, 2 и 20; XI, 19, 21), и всѣ они направлены къ тому, чтобы внушать дѣтямъ не частности законовъ, а самый духъ этихъ законовъ и оживляющій ихъ теократическій принципъ. Пониманіе для дѣтей внутренней сущности законовъ облегчалось тѣмъ историческимъ методомъ воспитанія, который внушается закономъ. Законодатель въ этомъ случаѣ пользуется обычною дѣтскою любознательностью, которая при видѣ новыхъ или непонятныхъ для дѣтей установленій невольно вызываетъ у нихъ вопросы: что это значитъ? Что это за установленіе? Въ отвѣтахъ на такіе вопросы родители и обязаны внушать дѣтямъ сущность какъ самыхъ установленій, такъ и оживляющій ихъ теократическій принципъ. Такъ при совершеніи пасхальнаго торжества, „когда скажутъ вамъ дѣти ваши, что это за служеніе? Скажите имъ, повѣлываетъ законъ:—это пасхальная жертва Господу, который прошелъ мимо домовъ сыновъ Израилевыхъ въ Египтѣ, когда поражалъ Египтянъ, и дома наши избавилъ“ (Исх. XII, 26 и 27).

такъ же предписывается поступать и при совершеніи другихъ теократическихъ установленій въ память славныхъ историческихъ событій. Такъ предписывается объяснять дѣтямъ значеніе праздника опрѣсноковъ: „И объяви въ день тотъ сыну своему, говоря: это ради того, что Господь Богъ сдѣлалъ со мною, когда я вышелъ изъ Египта“ (Исх. XIII, 8). Тоже при посвященіи первенца: „когда спросить тебя сынъ твой, говоря: что это? то скажи ему: рукою крѣпкою вывелъ насъ Господь изъ Египта, изъ дома рабства“ (ст. 14) и пр. Во всѣхъ этихъ постановленіяхъ замѣтна забота законодателя напечатлѣть въ душѣ человѣка еще въ дѣтскомъ состояніи память тѣхъ великихъ дѣлъ, которыя совершены Іеговою для избраннаго народа, и тѣмъ укрѣпить въ сознаніи народа принципъ теократизма и связаннаго съ нимъ святаго долга исполненія предписанныхъ законовъ. „Берегись и тщательно храни душу твою, чтобы тебѣ не забыть тѣхъ дѣлъ, которыя видѣли глаза твои, и чтобы они не выходили изъ сердца твоего во всѣ дни жизни твоей; и повѣдай о нихъ сынамъ твоимъ и сынамъ сыновъ твоихъ, — о томъ днѣ, когда ты стоялъ предъ Господомъ, Богомъ твоимъ, при горѣ Хоривѣ (въ день собранія), и когда сказалъ Господь мнѣ: собери ко мнѣ народъ, и Я возвѣщу имъ слова Мои, изъ которыхъ они научатся бояться Меня во всѣ дни жизни своей на землѣ и научать сыновей своихъ“ (Втор. IV, 9 и 10). Основанное на такихъ началахъ и веденное такимъ образомъ воспитаніе скоро могло освоить дѣтей со всѣмъ строемъ теократическаго государства и дать нравственную силу исполнять постановленія исторически объясненнаго и потому понятнаго имъ закона. Отсюда мы видимъ участіе дѣтей во всѣхъ религіозныхъ торжествахъ народа. Такъ, кромѣ указанныхъ мѣстъ закона (о празднованіи пасхи, опрѣсноковъ), предполагающихъ участіе въ празднованіи дѣтей, участіе ихъ предписывается также закономъ о празднованіи седмиць и кущей (Втор. XVI, 11, 14), гдѣ прямо говорится: „веселись предъ Господомъ, Богомъ твоимъ, ты, и сынъ твой, и дочь твоя“. Наконецъ участіе дѣтей допускалось въ самомъ торжественномъ праздникѣ израильскаго народа, представлявшемъ собой величественное зрѣлище— публичнаго обученія народа закону Іеговы. „Въ годъ отпущенія

въ праздниѣхъ кущей, когда весь Израиль прійдетъ явиться предъ лице Господа, Бога твоего, на мѣсто, которое избереть Господь, читай сей законъ предъ всѣмъ Израилемъ вслухъ его. Собери народъ, мужей, женъ и дѣтей,... чтобы они слушали и учились и чтобы боялись Господа, Бога вашего, и старались исполнять всѣ слова закона сего“ (Втор. XXXI, 11 и 12).

Такимъ образомъ предъ закономъ по отношенію къ исполненію религіозныхъ обязанностей и участію въ общественныхъ торжествахъ дѣти, воспитанныя указаннымъ выше способомъ въ духѣ теократическаго закона, были равны со всѣми другими членами теократическаго государства. И замѣчательно, что здѣсь не полагается различія въ правахъ по полу: какъ сыновья, такъ и дочери одинаково полноправны предъ закономъ. Равноправность половъ простирается и въ другія области, гдѣ наиболѣе сильно вліяніе теократическаго принципа, какъ напр. въ празднованіи субботы. Покой одинаково предписывается всѣмъ безъ различія, между прочимъ и —пола: „Шесть дней работай, и дѣлай въ нихъ всякія дѣла своя; а день седьмой суббота Господу, Богу твоему: не дѣлай въ оный никакого дѣла ни ты, ни сынъ твой, ни дочь твоя“... (Исх. XX, 9 и 10). Но равноправность половъ не приведена съ такою полнотою въ другихъ отношеніяхъ, и чѣмъ дальше эти отношенія отъ прямого дѣйствія теократическаго принципа, чѣмъ глубже они входятъ въ область собственно домашней, обыденной жизни, тѣмъ равенство больше терпитъ ограниченія—въ отношеніи къ женскому полу. Такое явленіе имѣетъ мѣсто въ правовыхъ отношеніяхъ какъ братьевъ между собою, такъ и братьевъ съ сестрами.

Неравенство въ семейныхъ отношеніяхъ братьевъ и сестеръ заявляетъ себя главнымъ образомъ въ правахъ наслѣдованія и потому мы разсмотримъ его преимущественно въ этомъ отношеніи.

Обыкновенный порядокъ наслѣдованія по Моисееву праву состоялъ въ томъ, что наслѣдство переходило въ руки дѣтей мужескаго пола, къ сыновьямъ. Если не было сыновей, имъ пользовались дочери. Вотъ какъ законъ выражаетъ порядокъ наслѣдованія: „если кто умретъ, не имѣя у себя сына, то передавайте удѣлъ его дочери его. Если же нѣтъ у него дочери, передавайте удѣлъ его братьямъ

его. Если же нѣтъ у него братьевъ, отдайте удѣлъ его братьямъ отца его“ и т. д. (Числ. XXVII, 8—11). Въ данномъ случаѣ для насъ важно то, какъ законодатель опредѣляетъ по отношенію къ наслѣдству права различныхъ половъ. А это опредѣленіе, какъ видно, рѣшительно клонится въ пользу мужескаго пола, въ пользу сыновей, такъ какъ самое существованіе послѣднихъ лишаетъ дочерей права на наслѣдство. Но законъ прежде всего и между самими сыновьями опредѣляетъ разную степень права на наслѣдство, такъ что „первородному“ сыну онъ опредѣляетъ двойную долю въ наслѣдствѣ (Втор. XXI, 17). Право первородства очень древне и Моисеевымъ законодательствомъ было усвоено изъ древняго обычнаго права съ сообщеніемъ ему болѣе строгихъ юридическихъ опредѣленій. Первородный сынъ и кромѣ двойной части въ наслѣдствѣ имѣлъ большія преимущества предъ своими младшими братьями, и даже какъ бы нѣкоторое господство надъ ними, которое особенно получало свое значеніе по смерти отца: тогда первородный становился полнымъ главою семейства и принималъ на себя всѣ обязанности и права его ¹⁾. Отсюда первородство и было такъ дорого въ глазахъ еврейскаго народа и считалось какъ бы священнымъ, такъ что запятнавшій себя неуваженіемъ къ отцовскому ложу Рувимъ былъ лишенъ права первородства (Быт. XXV, 23, 31, 34. XLIX, 3. 1 Парал. V, 1—2. Ср. Пс. 89, 27. Іов. XVIII, 13). Другіе сыновья были равны между собой и въ наслѣдствѣ пользовались равною частью. Хотя въ законѣ прямо не указывается такого равенства братьевъ между собою, но въ виду того, что законъ не дѣлаетъ различія въ преимуществахъ одного брата надъ другимъ, такое предположеніе не имѣетъ ничего противъ себя. Другое дѣло—дочери: онѣ при братьяхъ не имѣли части въ наслѣдствѣ. Въ этомъ отношеніи Моисеево законодательство какъ будто не возвышается надъ другими законодательствами древняго міра, вообще смотрѣвшими на женщину какъ на низшее существо и потому не дававшими ей правъ равныхъ съ мужчиною, какъ это было напр. у индійцевъ, китайцевъ, аэинянь ²⁾ и др., гдѣ

¹⁾ 1 Пар. V, 12; IX, 17.

²⁾ K n o b e l, Kurzgef. exeg. Handbuch. Tom. II толкованія на Числ. XXVII, 8—11.

дочери даже совершенно лишились правъ на наслѣдство. Но такое заключеніе было бы несправедливо, особенно если принять во вниманіе общее правовое положеніе женщины по законодательству Моисея, а не частности, иногда въ силу извѣстныхъ историческихъ условій не вполне выражающія духа закона. А такая именно частность и въ данномъ случаѣ. До Моисея порядокъ наслѣдованія опредѣлялся обычными правами, и онъ настолько окрѣпъ въ практикѣ, настолько проникъ въ сознаніе народа, что законодатель повидимому не рѣшался вовсе касаться его въ своемъ законодательствѣ (по крайней мѣрѣ такъ можно заключить изъ непонятнаго иначе молчанія о правѣ наслѣдованія, столь важномъ въ семейныхъ отношеніяхъ), и только неожиданно выдвинувшійся случай съ дочерьми Салпаада, представившими просьбу о дарованіи имъ самостоятельнаго удѣла для сохраненія имени ихъ отца Салпаада, неоставившаго послѣ себя сына (Числ. XXVII, 1—11), далъ законодателю поводъ точнѣе, юридически опредѣлить порядокъ наслѣдованія, не вводя однакоже въ него ничего новаго, а утверждая лишь существовавшій порядокъ. Мы не разъ еще будемъ имѣть случай видѣть со стороны законодательства уступку древнему обычному праву, но увидимъ также, что законодатель при этомъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы дать возможность проникнуть въ этотъ порядокъ вещей новымъ началамъ и незамѣтно преобразовать его въ духѣ законодательства. Въ данномъ случаѣ подобное же обновляющее отношеніе къ древнему обычному праву представляется въ томъ обстоятельствѣ, что законодатель древній законъ наслѣдованія дочерей послѣ сыновей связалъ съ сохраненіемъ имени отца отъ исчезновенія (Числ. XXVII, 4). По внѣшности это обстоятельство не измѣняло древняго правового обычая: порядокъ наслѣдованія оставался тотъ же самый, сестры не наслѣдовали при братьяхъ, и наслѣдовали только при отсутствіи братьевъ; но оно давало возможность проникнуть новымъ началамъ и тѣмъ мало по малу совершенно преобразовать древнее право обычая въ новое право разума и идеи равенства половъ. Если, по закону Моисея, право наслѣдованія (недвижимаго земельного владѣнія) имѣетъ главною цѣлю сохранять отъ исчезновенія имя отца, то этимъ самымъ дается воз-

возможность при известныхъ обстоятельствахъ пользоваться наслѣдствомъ и сестрамъ при братьяхъ. Такъ при физической или нравственной неспособности сына къ сохраненію имени отца естественно право наслѣдованія родового участка по этому закону могло да и должно было переходить къ дочерямъ, обладавшимъ и нравственными, и физическими способностями. А разъ дана возможность сестрамъ пользоваться наслѣдствомъ при братьяхъ, дальнѣйшая практика, подъ вліяніемъ родительской и братской любви, не замедлила исключительные случаи возвести на степень обыкновеннаго правила. Трудно съ опредѣленностію утверждать, что именно таково было постепенное развитіе идеи равенства (въ наслѣдствѣ) сестеръ съ братьями,—но во всякомъ случаѣ послѣдующая исторія еврейскаго народа представляетъ намъ нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ наслѣдованіе сестеръ при братьяхъ, немыслимое прежде, представляется какъ бы обыкновеннымъ явленіемъ, какъ бы правиломъ. Вотъ нѣсколько фактовъ. Богатый Верзелій, имѣвшій возможность продолжительное время содержать войско Давида, имѣлъ сына, какъ это видно изъ 2 Цар. XIX, 35—41; не смотря на это, мы видимъ, что онъ и дочь свою сдѣлалъ наслѣдницей, которая къ тому же вышла въ замужество за человѣка изъ другаго колѣна. Въ Неем. VII, 63 ст. генеалогія одной священнической семьи низводится къ Верзелію Галаадитянину ¹⁾, что обыкновенно бываетъ только въ такомъ случаѣ, если отъ предковъ было получено наслѣдство, и текстъ выразительно поясняетъ это: „Изъ священниковъ... сыновья Верзелія, который взялъ жену изъ дочерей Верзелія Галаадитянина, и сталъ называться ихъ именемъ“. Дѣло очевидно не иначе было, какъ такъ, что человѣкъ вступилъ въ семейство стараго Верзелія Галаадитянина, принялъ его имя и записался его сыномъ, что ясно предполагаетъ, что онъ и наслѣдовалъ ему (при посредствѣ взятой имъ въ замужество дочери-наслѣдницы). Другой

¹⁾ Нужно обратить вниманіе, говорить Михаэлисъ, удачно сгруппировавшій разсматриваемые случаи, на то обстоятельство, что Верзелій здѣсь называется Галаадитяниномъ. Конечно, многіе могли называться Верзеліями, но если стоитъ при этомъ опредѣленіе — Верзелій *Галаадитянинъ*, то ясно, что рѣчь идетъ о томъ именно известномъ въ исторіи Верзеліѣ, который былъ Галаадитянинъ, а не о какомъ либо другомъ Верзеліѣ. Mos. Recht, § 78, S. 57.

случай. Махиръ изъ колѣна Манассіина имѣлъ сына по имени Га-лаада, но у него, какъ видно изъ 1 Пар. II, 21, была также и дочь, которая вышла замужъ за Есрома изъ колѣна Іудина. Отъ этого брака родился Сегувъ, у котораго былъ сынъ Іаиръ (ст. 22). Но этотъ Іаиръ причисляется не къ колѣну Іудину, какъ бы того требовало происхожденіе его отца, но по сторонѣ матери къ колѣну Манассіину и у Моисея называется—Іаиръ сынъ Манассіи (Числ. XXXII, 41; ст. 39—42). Онъ слѣдовательно по матери-наслѣдницѣ сталъ числиться въ колѣнѣ Манассіинѣ. Халевъ далъ своей дочери Аксѣ, при выходѣ ея замужъ, не только большое поле (землю полуденную), но кромѣ того далъ ей и такъ называемые верхніе и нижніе источники (Нав. XV, 16—20; Суд. I, 12—15), но изъ 1 Паралиц. II, 18 ст. видно, что у Халева были и сыновья. Іовъ далъ наслѣдство своимъ дочерямъ вмѣстѣ съ своими сыновьями (Іов. XLII, 15). Къ подобной же мысли приводитъ и то обстоятельство, что въ родовыхъ спискахъ рядомъ съ сыновьями-наслѣдниками упоминается и дочь (Числ. XXVI, 46; Быт. XLVI, 15. 17). Это явленіе можно объяснить только тѣмъ, что и дочь наслѣдовала наравнѣ съ сыновьями ¹⁾. Опредѣляя общій смыслъ приведенныхъ фактовъ, Михаэлисъ говоритъ: „Тѣ, которые женились на наслѣдницѣ, должны были переходить въ родъ своего тестя и записываться ему въ сыновья. Только въ такомъ случаѣ и можно было воспользоваться наслѣдствомъ, потому что оно давалось дочери съ тою цѣлю, чтобы имя отца ея не изгладилось изъ родовыхъ таблицъ; слѣдовательно, сыновья, рожденные отъ этого брака, должны были числиться подъ именемъ дѣда съ материнской стороны“ ²⁾.

Изъ этихъ фактовъ съ достаточною ясностью видно, что женщина по Моисееву законодательству была не низшимъ человѣческимъ существомъ, какимъ она считалась другими законодательствами древняго міра, а почти равноправнымъ существомъ, вполне стоящимъ на высотѣ библейскаго воззрѣнія на женщину, какъ „помощника“ мужчинѣ, „соотвѣтственнаго ему“ (Быт. II, 18), и не-

¹⁾ K nobel, Erklär. zu Num. XXVI, v. 4.

²⁾ Michaelis, Mos. Recht, § 78, S. 59.

равнаго лишь настолько, насколько по обыкновенному естественному порядку вещей неравенъ „помощникъ“ главному дѣлателью. Исключеніемъ является только извѣстное узаконеніе Числ. XXX, 4—6, по которому женщина въ юности своей, и въ домъ отца своего“ и даже въ замужествѣ не имѣетъ права самостоятельно давать обѣты Богу, такъ что отецъ или мужъ по своему усмотрѣнію можетъ запретить ихъ исполненіе. Въ этомъ узаконеніи изслѣдователи ¹⁾ обыкновенно видятъ верхъ ограниченія правъ женщины на самостоятельное распоряженіе собою. Правда, въ этомъ узаконеніи нельзя не видѣть уступки ²⁾ со стороны законодателя общему восточному воззрѣнію на женщину, но съ другой стороны такое узаконеніе оправдывается въ значительной степени и самою сущностью предмета закона. Обѣтъ настолько серьезное дѣло, что всѣми мѣрами долженъ быть огражденъ отъ легкомыслія и необдуманности, могущими профанировать возвышенную святость его, и потому согласіе или несогласіе на него со стороны другаго болѣе зрѣлаго ума представляется не излишнею стѣснительностію для женщины, особенно молодой, а дѣломъ разумной необходимости.

Другія отношенія половъ между собою относятся уже къ брачному состоянію, и потому мы перейдемъ къ разсмотрѣнію брака — какимъ онъ вообще является по библейскому воззрѣнію и какимъ подлежитъ опредѣленіямъ со стороны Моисеева законодательства.

II.

Библейскій взглядъ на бракъ, выраженный при первомъ учрежденіи брака до паденія человѣка, очевидно долженъ представлять собою истинную сущность брака, и потому мы для уясненія этого важнѣйшаго отношенія между людьми расширимъ нашъ предметъ

¹⁾ Oehler, Theologie d. Alt. Test. § 102 и 134. De-Wette, Archäologie, § 155.

²⁾ Подобная уступка господствовавшимъ воззрѣніямъ часто замѣчается въ Моисеевомъ законодательствѣ, и объясняется условнымъ характеромъ самого законодательства, предназначеніемъ его только для опредѣленнаго времени и народа.

и укажемъ сущность брака вообще и какъ эта сущность вырази-
лась въ библейскомъ повѣствованіи объ учрежденіи его.

Учрежденіе брака основано на потребностяхъ природы человѣка,
и ведетъ свое начало со времени его происхожденія. Можно ска-
зать, что онъ установленъ Богомъ, насколько сама природа чело-
вѣка организована Имъ; но его формальное, внѣшнее установленіе
есть уже дѣло самого человѣка, и по своей формѣ онъ есть есте-
ственное и гражданское учрежденіе, хотя по своей таинственной
сущности, служащей выраженіемъ великаго творческаго акта, по
необходимости подчиняется преобладающему вліянію религіознаго
элемента. Такой взглядъ на бракъ представляется въ историче-
скомъ повѣствованіи о его происхожденіи въ книгѣ Бытія: Тво-
рецъ, видя потребности сотворенной Имъ природы человѣка, видя,
что „не хорошо быть человѣку одному“, опредѣлилъ сотворить
„помощника ему“ (II, 18), и согласно этому завершилъ дѣло тво-
ренія восполненіемъ мужской природы женскою (I, 27). Необходи-
мость этого акта выясняется изъ словъ, которыя сказаны были по
этому поводу въ Божественномъ совѣтѣ. Человѣкъ, какъ разумное
и духовное существо, не былъ бы достойнымъ представителемъ Бо-
жества на землѣ, если бы онъ жилъ въ уединеніи или въ общеніи
только съ существами или высшими его, какъ ангелы, или низ-
шими, какъ животныя. Для него было совершенною необходимостью,
не только для удовольствія и счастья, но еще болѣе для совер-
шенства Божественнаго дѣла имѣть „помощника ему, соответствен-
наго ему“—или какъ слова эти болѣе значатъ— „точный снимокъ
съ него“, способный къ воспріятію и взаимному сообщенію его мы-
слей и чувствъ. Какъ только женщина была создана, Адамъ тот-
часъ же понялъ въ этомъ актѣ Творца желаніе счастья для обще-
ственной жизни человѣка, и немедленно произнесъ то положеніе,
къ которому потомство можетъ относиться какъ къ брачной гра-
мотѣ, данной на всѣ послѣдующіе вѣка: „Вотъ это кость отъ
костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться
женою: ибо взята отъ мужа своего. Потому оставить человѣкъ
отца своего и мать свою, и прилѣпится къ женѣ своей; и будутъ
два одна плоть“ (II, 23 и 24). Изъ этихъ словъ, въ связи съ

обстоятельствами самого образованія первой жены, мы можем вывести слѣдующія положенія: 1) единство мужа и жены, вытекающее изъ самого способа образованія жены изъ мужа, и изъ слова— „одна плоть“; 2) нерасторжимость брачнаго союза; 3) моногамія какъ первоначальный законъ брака, вытекающей изъ того, что онъ впервые былъ заключенъ между *однимъ* мужчиною и *одною* женщиною; 4) общественное равенство мужа и жены, выражающееся даже въ тожествѣ названія ихъ *isch* и *ischah* ¹⁾, вполне соответствующихъ одинъ другому, вполне въ параллель съ выраженіемъ „помощникъ, соответственный ему“; 5) подчиненіе жены мужу, слѣдующее изъ самыхъ условій образованія жены „для мужа“ (1 Кор. XI, 8, 9; 1 Тим. II, 13) и 6) относительныя обязанности мужчины и женщины, заключающіяся въ словахъ „сотворимъ помощника, соответственнаго ему“ ²⁾ (Быт. II, 18).

Паденіе челоуѣка нѣсколько измѣнило взаимныя отношенія мужчины и женщины. Такъ какъ вина соблазна къ грѣху лежитъ на женщинѣ, то соподчиненіе ея мужу было обращено въ порабощеніе отъ него: мужъ, сказано было ей, „будетъ господствовать надъ тобою“ (III, 16). Злыя дѣйствія грѣха скоро заявили себя въ портѣ брачныхъ обычаевъ: единство брака было нарушено введеніемъ полигаміи, которая повидимому возникла прежде всего среди каниитовъ (IV, 19), а чистота его погибла въ смѣшанныхъ бракахъ „сыновъ Вожиныхъ“ съ „сынами челоуѣческими“ т. е. сифи-

¹⁾ $\psi\eta\varsigma$ и $\pi\psi\eta$. Буквальное соответствіе этихъ словъ трудно выразить на русскомъ языкѣ, развѣ только древне-этимологическимъ соответствіемъ ихъ: мужъ и мужина, (отсюда *мужена*, жена). Вулгата получаетъ этимологическое тожество въ ущербъ смыслу: *Virago quoniam de viro*. Старый латинскій терминъ *viro* былъ бы лучше. Лютеръ выражаетъ это соответствіе чрезъ *Maun* и *Mäunin*, но и это не выражаетъ двойкаго смысла *ischah*, какъ «женщины» и «жены», изъ которыхъ и тотъ и другой долженъ быть сохраненъ, чтобы сохранить вполне силу оригинала. Нѣчто подобное по смыслу представляетъ нѣмецкое *Weib*. (Smith, Dict. of th. Bible, T. III, p. 240).

²⁾ קָנָה , буквально *tanquam socium eo*,—выраженіе, не поддающееся точной передачѣ на русскій, или даже на какой бы то ни было другой языкъ. Поэтому въ переводахъ оно обыкновенно выражается описательно. LXX передаютъ его *κατ' αὐτόν, ὁμοιος αὐτῷ*, Вулгата *simile sibi*, Таргумъ Окселоса — *quasi eum*, Аравійскій — *e regione ipsius*, другіе одинаково съ Вулгатой. Славянскій одинаково съ греческимъ—*по нему*.

товъ съ каинитами не задолго до потопа (VI, 2). Послѣ потопа Ноемъ была восстановлена моногамическая форма брака, но вскорѣ она, подѣ влияніемъ особенныхъ условій древней патріархальной жизни, вновь замѣнена была полигаміей, хотя эта форма никогда не получала между евреями значительнаго развитія. Разводъ вслѣдствіе существованія полигаміи хотя былъ частъ и легокъ, однакоже не имѣлъ вполнѣ унижительнаго характера по отношенію къ женѣ. Таково было состояніе брачныхъ отношеній ко времени Моисея.

Моисеево законодательство, какъ имѣющее свою цѣлю по возможности восстановить во всѣхъ отношеніяхъ нормальное состояніе вещей (такова сущность проникавшаго его теократическаго принципа), въ данномъ отношеніи тоже стремилось поставить брачныя отношенія въ ихъ первобытное нормальное состояніе, отъ котораго они уклонились. Конечно, сила зла, исторически окрѣпшаго, была уже настолько велика, что полнаго восстановленія нельзя было осуществить, и поэтому существенною и прямою задачею законодательства было ограничить и по возможности устранить дурныя дѣйствія этого зла. Съ этой стороны оно и имѣетъ для насъ интересъ. Въ своихъ постановленіяхъ о брачныхъ отношеніяхъ оно стремится: 1) къ ограниченію и по возможности къ уничтоженію полигаміи; 2) къ ограниченію правъ отца или господина, могущихъ вредно отозваться на брачныхъ отношеніяхъ дѣтей или рабовъ; 3) къ подведенію развода подѣ извѣстныя юридически-опредѣленные правила и 4) къ восстановленію чистоты жизни во время брачнаго союза.

Для достиженія первой цѣли законодательство постановляетъ опредѣленія или прямо направленныя противъ увеличенія женъ, или косвенно—посредствомъ постановленій, затрудняющихъ или дѣлающихъ тягостною полигамію. Сюда относятся постановленія, запрещающія царю „умножать себѣ женъ, дабы не развратилось сердце его“ (Втор. XVII, 17); запрещеніе брать двухъ сестеръ вмѣстѣ (Лев. XVIII, 18). Постановленіе, утверждающее равныя права всѣхъ женъ на содержаніе (Исх. XXI, 10 и 11), естественно могло служить затрудненіемъ имѣть многихъ женъ, осо-

бенно для небогатаго человѣка.—Вторая цѣль достигалась посредствомъ гуманнѣхъ опредѣленій относительно плѣнницъ, если кто хотѣлъ брать ихъ себѣ для брачнаго сожитія (Втор. XXI, 10—14), и относительно купленныхъ женъ (Исх. XXI, 7—11). Таже цѣль достигалась постановленіемъ, по которому отецъ не имѣлъ права руководиться произволомъ при распредѣленіи между сыновьями своего имущества, а долженъ былъ подчиняться извѣстнѣмъ строго-опредѣленнымъ правиламъ (Втор. XXI, 15—17).—Постановленія, направленныя къ ограниченію разводовъ, состояли въ томъ, что они уже не предоставлялись исключительно безконтрольному произволу мужчины, какъ это было прежде, когда разводъ производился по одному слову мужчины, что онъ ее отпускаетъ (Быт. XXI, 14). Теперь требуется юридическая формальность — „разводное письмо“ (Втор. XXIV, 1); а это въ юридическомъ и практическомъ отношеніи много значить: какъ юридическій актъ, это письмо требуетъ времени, обдуманности и часто посредства третьяго лица, и вообще дѣлало разводъ менѣе легкимъ дѣломъ, а слѣдовательно могло служить для мужа нѣкоторымъ затрудненіемъ безъ основательныхъ причинъ производить разводъ; для женщины же оно могло служить юридическимъ свидѣтельствомъ ея способности къ брачному сожитію. Можно указать также, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ Моисей совершенно запрещалъ разводъ, именно, когда женщина соблазнена была до брака (Втор. XXII, 29) или несправедливо была обвинена въ отсутствіи „дѣвства“ (ст. 19).—Къ восстановленію и поддержанію чистоты брачной жизни направлена одна изъ десяти заповѣдей (Исх. XX, 14), за нарушеніе которой виновные подвергаются смерти (Лев. XX, 10; Втор. XXII, 22, 24).

Общая цѣль коротко указанныхъ постановленій, какъ она ясно выражается въ общей тенденціи ихъ, та, чтобы поставить бракъ по возможности на ту высоту, на которой онъ стоялъ при его первоначальномъ установленіи, поставить его на высоту библейскаго воззрѣнія на него. Тою же возвышенностію стремленія отличаются постановленія закона, опредѣляющія условія законности брака. Постановленія эти распадаются на два отдѣла: 1) опредѣляющія законность брака между израильтянами и иноземцами и 2) брака

израильтянъ—между собою. Въ томъ и другомъ отношеніи эти постановленія имѣютъ характеръ запрещеній.

Во всякомъ политически организованномъ обществѣ или государствѣ право брака въ той или другой формѣ составляетъ элементъ гражданскаго права, а тамъ, гдѣ характеръ и условія этого права недостаточно опредѣлены юридически, оно находится подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, какъ это мы видимъ и въ древней библейской исторіи, и подчиняется преобладающему въ обществѣ воззрѣнію или чувству. Въ обществахъ на ихъ первой степени развитія преобладающимъ чувствомъ является вообще чувство исключительности; но это чувство естественно должно быть еще сильнѣе тамъ, гдѣ преобладающій въ общественной жизни религіозный элементъ, исключительный по своему особенному характеру, требуетъ для себя полнѣйшей свободы отъ чуждыхъ вліяній. Отсюда естественно ожидать сильнаго развитія духа-исключительности въ брачныхъ отношеніяхъ въ Моисеевомъ государствѣ, гдѣ развитію этого духа способствовало особенное положеніе народа во всемірной исторіи. Предостереженія прошлой исторіи и примѣры патриарховъ служили къ подкрѣпленію естественнаго чувства исключительности: съ одной стороны вредныя послѣдствія брачныхъ связей съ иноземцами представлялись въ громадномъ распространеніи грѣховности въ поколѣніи погубленномъ потопомъ (Быт. VI, 2—13); съ другой — примѣры Авраама, Исаака и Іакова, бравшихъ себѣ женъ изъ среды своего родства (Быт. XX, 12. XXIV, 3 и сл. XXVIII, 2). Какъ противоположность этому представлялись двое изъ отверженныхъ сыновей—Измаиль, который женился на египтянкѣ (Быт. XXI, 21), и Исавъ, котораго жены—хеттеянки были „въ тягость“ его родителямъ (Быт. XXVI, 34, 35). Еще съ большею строгостію запрещалось израильтянкѣ выходить въ замужество за иноплеменика необрѣзаннаго: это считалось полнымъ безчестіемъ, какъ видно изъ отвѣта братьевъ Дины на просьбу Сихема (Быт. XXXIV, 14).

Таковы факты обычнаго права по разсматриваемому предмету. Эти факты приходятся на ту эпоху исторической жизни еврейскаго народа, когда онъ еще не вполне былъ организованъ въ политическое тѣло и неполнѣ ясно сознавалъ свою всемірно-историческую

задачу, а потому они и не ясно опредѣляютъ характеръ самыхъ брачныхъ отношеній съ иноплеменниками. Моисеево же законодательство, воплѣ организовавшее народъ въ политическое тѣло съ опредѣленными, ясно намѣченными задачами и цѣлями, принявъ въ основаніе факты обычнаго права, дало имъ болѣе опредѣленный юридическій характеръ, возвышающійся надъ непосредственнымъ, безотчетнымъ естественнымъ чувствомъ исключительности. Сообразно съ возвышенной цѣлю своего государства и народа, назначеннаго быть свѣточемъ человѣчества, хранителемъ чистой, святой идеи монотеизма, Моисей строго запретилъ брачный союзъ только съ ханаанитянами, какъ представителями наиболѣе гнуснаго идолослуженія, которые, при своемъ безсиліи удержать за собою Палестину оружіемъ, естественно старались достигнуть этого пропагандой своихъ религіозныхъ воззрѣній и идолослуженія, представлявшаго собою боготвореніе разврата, и потому имѣвшаго притягательную прелесть для слабыхъ натуръ. „Не вступай съ жителями той земли, чтобы, предупреждаетъ законодатель, когда они будутъ блудодѣйствовать въ слѣдъ боговъ своихъ и приносить жертвы богамъ своимъ, не пригласили и тебя, и ты не вкусишь бы жертвы ихъ. И не бери изъ дочерей ихъ женъ сынамъ своимъ (и дочерей своихъ не давай въ замужество за сыновей ихъ); дабы дочери ихъ, блудодѣйствуя въ слѣдъ боговъ своихъ, не ввели и сыновъ твоихъ въ блуженіе въ слѣдъ боговъ своихъ“ (Исх. XXXIV, 15 и 16. ср. Втор. VП, 3 и 4). Извѣстно, что опасенія законодателя не замедлили оправдаться, какъ только израильтяне уклонились отъ исполненія мудрыхъ постановленій его „и брали дочерей ханаанскихъ народовъ себѣ въ жены, и своихъ дочерей отдавали за сыновей ихъ, и служили богамъ ихъ—Вааламъ и Астартамъ“ (Суд. III, 6 и 7). Слѣдствіемъ этого было ослабленіе политическаго организма, безсиліе, которымъ и пользовались соблазнители во вредъ соблазненнымъ. Кромѣ указаннаго прямаго запрещенія брачныхъ союзовъ съ ханаанскими народами, есть косвенныя запрещенія. Такъ, то постановленіе, по которому „аммонитянинъ и моавитянинъ не можетъ войти въ общество Господне, и десятое поколѣніе ихъ не можетъ войти въ общество Господне во вѣки“ (Втор. XXIII, 3), естественно слу-

жило преградой для заключенія съ ними брачныхъ отношеній, хотя собственно по толкованію самихъ евреевъ этимъ постановленіемъ запрещалось только израильтянкѣ выходить въ замужество за моавитянина или аммонитянина, израильтянину же позволялось жениться на дочеряхъ этихъ народовъ, какъ это видно изъ исторіи Руои (I, 4). Запрещеніе брачныхъ союзовъ съ идумеянами и египтянами было менѣе строго: „не гнушайся, говорить законъ, идумеяниномъ, ибо онъ братъ твой; не гнушайся египтяниномъ, ибо ты былъ пришельцемъ въ землѣ его. Дѣти, которыя у нихъ родятся, въ третьемъ поколѣннн могутъ войти въ общество Господне“ (Втор. XXIII, 7 и 8). Здѣсь очевидно разумѣются такіе идумеяне и египтяне, которые какимъ нибудь образомъ получили права гражданства въ Моисеевомъ государствѣ и нѣкоторымъ образомъ вошли въ составъ его. Дѣти ихъ въ третьемъ поколѣннн, т. е. внуки ихъ уже имѣли законное право на принятіе въ общество Господне ¹⁾).

Такимъ образомъ въ Моисеевомъ законодательствѣ можно различать три степени запрещенія брачныхъ союзовъ съ иноплеменниками: полное запрещеніе по отношенію къ ханаанитянамъ — съ мужеской и женской стороны; полное же запрещеніе, но только съ одной мужеской стороны, по отношенію къ аммонитянамъ и моавитянамъ, и временное запрещеніе съ мужеской же стороны по отношенію къ идумеянамъ и египтянамъ; браки же съ женщинами народовъ этихъ послѣднихъ двухъ степеней считались законными ²⁾. Браки израильтянокъ съ иноземцами были вообще рѣдки и законъ, хотя не считаетъ ихъ при извѣстныхъ условіяхъ незаконными, однакоже отмѣчаетъ ихъ какъ исключительныя явленія. Таковы брачные союзы израильтянки съ египтяниномъ, сынъ которыхъ былъ побитъ камнями за хулу на имя Господне (Лев. XXIV, 10—14), — Авигей съ Іееромъ измаильтяниномъ, заключенный вѣроятно во время пребыванія семейства Іесея въ землѣ моавитской (1 Пар. II, 17), дочери Шешана съ Іархой — египтяниномъ, бывшимъ рабомъ Шешана (ст. 35), и женщины изъ колѣна Нефеалимова съ

¹⁾ K n o b e l, Erklär. zu Deuter. XXIII, V. 9.

²⁾ S m i t h, Dict. of the Bible, T. II, статья Marriage p. 243.

тираниномъ—мѣдникомъ, сынъ которыхъ Хирамъ заправлялъ работами при построеніи Соломонова храма (3 Цар. VII, 13 и 14).

Въ случаѣ брака израильтянъ съ иноземными женщинами законъ по всей вѣроятности предполагаетъ обращеніе женъ въ религію Іеговы, какъ на это мы и имѣемъ примѣръ въ лицѣ Руои моавитянки (I, 16), хотя были и такіе случаи, когда женщины-иноплеменницы и въ замужествѣ за израильтянами не переставали служить своимъ богамъ, и даже распространяли идолослуженіе среди израильтянъ. Таковы—жена Соломона египтянка (3 Цар. XI, 4) и жена Ахава финиціянка (3 Цар. XVI, 31). Но эти послѣдніе факты не отрицаютъ въ законѣ указанной цѣли его—пріобрѣтенія прозелитовъ религіи Іеговы, такъ какъ они въ исторіи являются въ эпоху поправленія закона, и слѣдовательно ни какъ не могутъ считаться выраженіемъ его идеи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и законъ для достиженія своей цѣли не стѣсняетъ свободы совѣсти и обращеніе въ религію Іеговы предоставляетъ доброй волѣ иноплеменницъ, на что особенно наводитъ законъ Втор. XXI, 10—14, по которому при опредѣленіи условій брачныхъ отношеній израильтянина съ плѣнницей-иноземкой, самымъ зависимымъ существомъ, ни слова не упоминается объ ея обращеніи въ религію Іеговы. Напротивъ, прозелитизмъ былъ повидимому непремѣннымъ условіемъ при заключеніи брачнаго союза иноплеменника съ израильтянкой, такъ какъ въ этомъ случаѣ, благодаря преобладающему вліянію мужчины, подвергалась опасности вѣрность религіи Іеговы со стороны израильтянки. Въ законѣ не указано этого условія, но о существованіи его можно заключать изъ приведенныхъ выше фактовъ брачныхъ союзовъ израильтянокъ съ иноплеменниками, такъ какъ эти послѣдніе послѣ брака вполнѣ вступали въ общество израильтянское и записывались въ родовыя таблицы.—Пока смѣшанные браки не выходили изъ указанныхъ закономъ предѣловъ, они не могли приносить вреда еврейской народности, но послѣ вавилонскаго плѣна они усилились до того, что грозили существованію самой народности, и потому запрещеніе ихъ, простиравшееся сначала только на ханаанскіе народы, было распространено и на моавитянъ, аммонитянъ и филистимлянъ (Неем. XIII, 23—25). Общественное мнѣніе также возстало противъ

смѣшанныхъ браковъ, такъ что, по свидѣтельству Иосифа Флавія ¹⁾, бракъ Манассіи съ кутеянкой (*χουδαῖος γένους, cutheus genere*) возбудилъ такое негодованіе, что повелъ къ междуусобію. О подобномъ же враждебномъ отношеніи къ смѣшаннымъ бракамъ свидѣтельствуемъ Тацитъ, отмѣчающій это какъ характеристическую особенность іудейскаго народа его времени ²⁾.—Дѣти отъ запрещенныхъ закономъ браковъ между израильянами и иноплеменниками называются особымъ терминомъ *mamser* ³⁾, этимологическое значеніе котораго неизвѣстно, но который ясно заключаетъ въ себѣ понятіе „иноплеменника“ какъ напр. въ Зах. IX, 6, гдѣ LXX передаютъ его словомъ *ἀλλογενεῖς*. Они исключались изъ „общества Господня“, т. е. лишались гражданскихъ правъ и привилегій до десятаго поколѣнія (Втор. XXIII, 2). Отсюда слѣдуетъ, по талмудическому толкованію, что бракъ съ ними запрещенъ такъ же, какъ съ аммонитянами или моавитянами ⁴⁾.

III.

Иного характера постановленія Моисеева законодательства о брачныхъ союзахъ израильянъ между собою. Какъ въ отношеніи къ брачнымъ союзамъ съ иноплеменниками запрещенія идутъ возрастая, смотря по степени *уменьшенія* религіознаго и племеннаго родства, такъ здѣсь, въ отношеніи къ брачнымъ союзамъ израильянъ между собою, напротивъ—запрещенія идутъ возрастая, смотря по степени *увеличенія* родства. Извѣстный знатокъ исторіи и духа еврейскаго народа Эвальдъ замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее:

„Въ отношеніи къ запрещенію брачныхъ союзовъ въ близкомъ родствѣ религія Іеговы (*Iahvethum*) строже всѣхъ древнихъ религій. Причину этого нужно искать въ лучшемъ пониманіи самой сущности брака. Бракъ долженъ соединить то, что раздѣлено и однакоже по своему конечному назначенію создано одно для другаго и потому должно войти въ

¹⁾ I. Flavius Antiqq. XI, 8, 2.

²⁾ Tacit. Hist. V, 5. Smith in l. c. s. 244.

³⁾ Въ Синод. переводѣ передано выраженіемъ «сынъ блудницы». Втор. XIII, 2.

⁴⁾ *Mischna*, *Kidusch*, 4, § 1. Smith in l. c.

крѣпкій союзъ и стать началомъ новаго дома. Учреждаемое посредствомъ брака общество какъ бы должно быть совершенно инымъ, чѣмъ то, которое уже существовало до него, связываемое общностью крови, рожденія и совмѣстной жизни,—обществомъ, связаннымъ любовью, которая совершенно отлична отъ родственной любви. Поэтому чѣмъ глубже племенное раздѣленіе между родами и колѣнами, тѣмъ свободнѣе и свѣжѣе изъ брачнаго отношенія ихъ можетъ развиваться новая жизнь, чуждая односторонности и слабости. Наиболѣе раздѣленное какъ будто тѣмъ сильнѣе стремилось къ соединенію для восполненія своей односторонности недостающими себѣ противоположными качествами чужаго“¹⁾).

Постановленія, опредѣляющія брачныя отношенія израильтянъ между собою, можно раздѣлить на *общія*, имѣющія значеніе для всего народа, и *спеціальныя*, назначенныя на исключительные случаи.

Общія постановленія почти исключительно состоятъ въ запрещеніи брачныхъ союзовъ на различныхъ близкихъ степеняхъ родства. Они довольно многочисленны и излагаются преимущественно въ книгѣ Левитъ XVIII гл. 6 и сл., XX гл. 11 и сл. и Второзаконія XXVII, 20, 22 и 23 стихи. Не вдаваясь во всѣ подробности этихъ постановленій, мы рассмотримъ наиболѣе характеристическія изъ нихъ, наиболѣе выражающія духъ закона.

Подробному изложенію постановленій касательно брачныхъ союзовъ на различныхъ степеняхъ родства въ законѣ предпосылается общее опредѣленіе, по которому „никто ни къ какой родственницѣ (*scheeg basero*) по плоти не долженъ приближаться съ тѣмъ, чтобъ открыть наготу“ (Лев. XVIII, 6). Употребленное здѣсь еврейское выраженіе—*scheeg basero*²⁾—обыкновенно относится къ кровному родству. Этимологическое значеніе слова *scheeg* не опредѣлено. Нѣкоторые изслѣдователи находятъ въ немъ связь съ *schaag*—остаться³⁾ (отсюда *scheeg*—остатокъ послѣ чего нибудь, часть чего нибудь общаго). Это объясненіе повидимому находитъ опору въ бук-

¹⁾ Ewald, *Alterthümer*, s. 255 и 256.

²⁾ По буквально подстрочному переводу: *ad omnes reliquias carnis suae*. Вулгата—*ad proximat sanguinis sui*,—греч. LXX: *πρὸς πάντα οἰκέτα σαρκὸς αὐτοῦ*. Waltonus, *Biblia Polyglotta*, l. c.

³⁾ *Michaelis*, *Mos. Recht*, Th. III, § 102.

важно-еврейскомъ текстѣ и въ общемъ библейскомъ возрѣніи, по которому все родство считается какъ бы одною плотію, такъ что по отношенію къ каждому члену родства *остальные* члены этого же родства считались какъ бы членами его плоти. Другіе прямо придаютъ ему значеніе „плоть“, которое болѣе просто и болѣе объяснимо въ данномъ случаѣ. Но какое бы изъ этихъ двухъ значеній мы не выбрали, во всякомъ случаѣ съ нимъ въ употребленіи его (ст. 12, 13, 17; XX, 19. Числ. XXVII, 11) неразрывно понятіе кровнаго родства. Впрочемъ *basag*, буквально означающее „плоть“ или „тѣло“, употребляется также въ отношеніи къ кровному родству (Быт. XXIX, 14; XXXVII, 27; Суд. IX, 2; 2 Цар. V, 1; 1 Пар. XI, 1). Оба слова *scheer basag* въ Лев. XXV, 49 употреблены вмѣстѣ въ значеніи *mischraschah*—„семейство“, или членовъ его, связанныхъ между собою узами кровнаго родства. Подобное же значеніе это выраженіе имѣетъ и въ разсматриваемомъ мѣстѣ. Въ буквальномъ переводѣ *scheer basag* значитъ „остальныя части своей плоти“ или „плоть своей плоти“. Значеніе его въ смыслѣ кровнаго родства становится яснымъ изъ сопоставленія его съ выраженіемъ Адама, сказаннымъ имъ въ отношеніи къ сотворенной изъ его плоти женѣ: „это кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей“ (Быт. II, 23)—выраженіе, употреблявшееся для обозначенія ближайшей кровной связи или родства. Другое употребительное въ разсматриваемомъ постановленіи выраженіе „открывать наготу“, по мнѣнію Зальшюца ¹⁾, не тождественно съ выраженіемъ—*beschlafen*—преспать (по славянски), означающимъ простой актъ плотскаго соединенія, для выраженія чего есть особое слово (Лев. XVIII, 20, 23 и др.). Оно шире этого послѣдняго и означаетъ брачныя отношенія вообще, что видно изъ равносильной замѣны этого выраженія другимъ выраженіемъ „братъ жену“ (ст. 18). Въ ближайшемъ смыслѣ, въ примѣненіи къ даннымъ постановленіямъ, оно означаетъ незаконный бракъ, преступное кровосмѣшеніе. Такое пониманіе мы и будемъ имѣть въ виду при дальнѣйшемъ изложеніи постановленій.

Разсматриваемыя постановленія по отношенію ихъ къ различнымъ

¹⁾ Saalschütz, Mos. Recht, Kap. 105. § 1.

степенямъ и линиямъ родства распадается на три отдѣльныя группы. Въ первой группѣ, обнимающей собой 7—13 ст. XVIII гл. книги Левитъ, заключаются постановленія, касающіяся кровнаго родства въ прямой линіи. Постановленія эти слѣдующія:

1) „Наготы отца твоего и наготы матери твоей не открывай. Она мать твоя, не открывай наготы ея“. Въ этомъ постановленіи, ясномъ самомъ по себѣ, обращаетъ на себя вниманіе выраженіе „открывать наготу отца своего“. Оно даетъ нѣкоторый поводъ предполагать кровосмѣшеніе дочери съ отцомъ, тѣмъ болѣе, что объ этомъ преступленіи нигдѣ болѣе не упоминается. Но такое предположеніе неосновательно: еслибы здѣсь законодатель разумѣлъ преступленіе отца съ дочерью, то онъ по принятой формулѣ запрещеніе направилъ бы къ мужчине, къ отцу, чего въ данномъ случаѣ нѣтъ. Не упоминаетъ же законодатель объ этомъ преступленіи потому, что противозаконность подобнаго кровосмѣшенія понятна сама собой и потому законодателемъ не предполагается его совершеніе. (По той же причинѣ не упоминается объ отце-или матереубійствѣ. Исх. XXI, 15). По библейскому употребленію этого выраженія, смыслъ его тотъ, что сынъ не долженъ осквернять ложа отца чрезъ прелюбодѣяніе съ его женами, и тѣмъ не открывать наготы его (Втор. XXVII, 20).

2) „Наготы сестры твоей, дочери отца твоего, или дочери матери твоей, родившейся въ домѣ или внѣ дома, не открывай наготы ихъ“ (ст. 9). Здѣсь не довольно ясно выраженіе „родившейся въ домѣ или внѣ дома“. Нѣкоторые изслѣдователи понимаютъ подъ этимъ дочь наложницы отца. Но такое пониманіе не соотвѣтствуетъ буквальной точности возраженія. Сообразнѣе съ сущностью дѣла понимать это выраженіе такъ, что здѣсь разумѣется прежде всего родная сестра (рожденная „въ томъ домѣ“, въ которомъ рожденъ и братъ, т. е. отъ однихъ и тѣхъ же отца и матери), а потомъ — сводная сестра, родившаяся „внѣ того дома“, въ которомъ рожденъ братъ, т. е. отъ другой матери, родившей ее еще тогда, когда она была за другимъ мужемъ, въ другомъ домѣ¹⁾. Но при такомъ по-

¹⁾ Ср. Knobel, Erkl. zu Lev. XVIII, 9.

ниманіи какъ будто становится безцѣльнымъ постановленіе ст. 11, которое читается такъ:

3) „Наготы дочери жены отца твоего, родившейся отъ отца твоего, она сестра твоя по отцѣ, не открывай наготы ея“. Оно какъ будто вполне совпадаетъ со второй половиной предъидущаго постановленія. Кнобель старается найти различіе между ст. 9 и 11 въ томъ, что въ 9 стихѣ исключительно разумѣется сводная сестра, родившаяся ли въ законномъ бракѣ или внѣ законнаго брака ¹⁾, а въ ст. 11 вмѣстѣ съ сводной разумѣется и родная (vollbürtige) сестра, такъ какъ, по его мнѣнію, выраженіе „жена отца“ одинаково означаетъ какъ родную мать, такъ и мачиху. Но такое пониманіе едвали основательно, тѣмъ болѣе что выраженіе „жена отца“ есть характеристическое выраженіе для отличія мачихъ отъ матери ²⁾. Основательнѣе предположеніе, что въ ст. 9 разумѣется и сводная, и родная сестра, а въ ст. 11 *только* сводная. Такое пониманіе сообразнѣе какъ съ самымъ методомъ изложенія разсматриваемыхъ постановленій, по которому законодатель идетъ отъ общаго къ частному, такъ и съ порядкомъ степеней родства, по которому законодатель сначала разсматриваетъ болѣе близкія степени, а потомъ переходитъ уже къ болѣе отдаленнымъ.

4) „Наготы дочери сына твоего (внуки по сынѣ) или дочери дочери твоей (внуки по дочери), не открывай наготы ихъ, ибо онѣ твоя нагота“ (ст. 10) т. е. произошли изъ твоей наготы, такъ что, открывая ихъ наготу, ты открылъ бы свою собственную наготу ³⁾.

5) „Наготы сестры отца твоего (тетки по отцѣ) не открывай, она единокровная отцу твоему“ (ст. 12).

6) „Наготы сестры матери твоей не открывай, ибо она единокровная матери твоей“ (ст. 13).

Вторая группа разсматриваемыхъ постановленій (ст. 14—16) заключаетъ въ себѣ запрещенія брачныхъ отношеній съ женами кровныхъ родственниковъ. Сюда относятся слѣдующія постановленія:

¹⁾ Ibidem, ст. 11.

²⁾ Saalschütz, Mos. Recht, Kap. 105, Anmerk. 997.

³⁾ Кнобель, I. с. ст. 10.

7) „Наготы брата отца твоего не открывай, и къ женѣ его не приближайся; она тетка твоя“ (ст. 14). Здѣсь не два отдѣльных постановленія, а одно выраженное въ двухъ формахъ. Постановленіемъ не открывать наготы брата отца своего запрещается именно то, что выражено во второй половинѣ постановленія, — именно „приближаться къ женѣ его“. Подобное уже указано было подъ пунктомъ 1.

8) „Наготы неvěстки твоей не открывай; она жена сына твоего, не открывай наготы ея“ (ст. 15).

9) „Наготы жены брата твоего не открывай, это нагота брата твоего“ (ст. 16).

Третья группа постановленій (ст. 17—18) заключаетъ запрещенія брачныхъ отношеній съ кровными родственниками женъ.

10) „Наготы жены и дочери ея не открывай (ст. 17 а), т. е. не женись вмѣстѣ на матери или ея дочери.

11) „Дочери сына ея (внуки по сынѣ) и дочери дочери ея (внуки по дочери) не бери, чтобы открыть наготу ихъ; онѣ единокровныя ея; это беззаконіе“ (ст. 17 б).

12) „Не бери жены вмѣстѣ съ сестрою ея, чтобы сдѣлать ее соперницею, чтобы открыть наготу ея при ней, при жизни ея“ (ст. 18). Здѣсь запрещается жениться на двухъ сестрахъ вмѣстѣ, потому что, кромѣ нравственныхъ неудобствъ, онѣ посредствомъ общаго мужа вступили бы въ плотское соединеніе между собою, что для сестеръ не позволительно ¹⁾.

Разсмотрѣнными постановленіями и ограничиваются запрещенія брачныхъ отношеній въ степеняхъ родства. При общемъ взглядѣ на весь циклъ этихъ запрещеній нельзя не замѣтить въ немъ нѣкоторыхъ пробѣловъ. Такъ невольно возникаетъ вопросъ: почему законодатель, запрещая брачныя отношенія на разсмотренныхъ степеняхъ родства, умалчиваетъ о другихъ степеняхъ родства, которыя между тѣмъ совершенно равныя первымъ. Онѣ напр. ничего не постановляетъ относительно браковъ—съ племянницею (дочерью брата или сестры), со вдовою племянника (братнина или сестрина

---

1) Knobel, 1. с. ст. 18.

сына), со вдовою дяди съ материнской стороны и съ сестрою умершей жены. Много различныхъ мнѣній предлагалось для рѣшенія этихъ недоумѣній и для объясненія молчанія законодателя. Но такъ какъ самъ законодатель не даетъ руководящей нити для ихъ разрѣшенія, то всѣ они могутъ имѣть только предположительный, вѣроятный характеръ. Болѣе другихъ вѣроятно то объясненіе, по которому законодатель умалчиваетъ о брачныхъ отношеніяхъ на указанныхъ степеняхъ въ виду ихъ ясной аналогіи съ тѣми степенями родства, относительно которыхъ законодатель далъ точныя опредѣленія. Такъ племянница и дядя находятся на той же ступени родства между собою, какъ племянникъ и тетка. А такъ какъ брачныя отношенія между послѣдними запрещены (Лев. XVIII, 14), то слѣдовательно и первые не могли вступать между собою въ эти отношенія. Вообще же въ подобныхъ случаяхъ нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что законодатель юридически опредѣлялъ только главнѣйшія отношенія; опредѣленіе же менѣе важныхъ предоставлялъ обычному праву, въ которомъ слѣдовательно и находили себѣ разрѣшеніе указанные недоумѣнія.

Гораздо болѣе интереса для изслѣдователя представляетъ вопросъ: чѣмъ руководился законодатель вообще при запрещеніи брачныхъ отношеній на указанныхъ выше близкихъ степеняхъ родства? Рѣшеніе этого вопроса имѣетъ тѣмъ болѣе интереса, что Моисеево законодательство въ данномъ случаѣ представляетъ почти исключительное явленіе въ древнемъ мірѣ, гдѣ у нѣкоторыхъ народовъ позволялся бракъ даже съ родною сестрою, такъ что у египтянъ напр. такой бракъ освященъ былъ примѣромъ Озириса и Изиды ¹⁾. Не имѣетъ оно для себя и историческихъ прецедентовъ въ древнемъ еврейскомъ обычномъ правѣ, въ которомъ мы имѣемъ примѣры брака съ сводной сестрой въ лицѣ Авраама (Быт. XX, 12), брака съ теткой въ лицѣ Амрама (Исх. VI, 20) и брака съ двумя сестрами въ одно и то же время въ лицѣ Іакова (Быт. XXIX, 26). Если принять во вниманіе еще то, что Моисеево законодательство въ этомъ отношеніи имѣло значительное вліяніе на новѣйшія евро-

¹⁾ Diod. I, 27. Philo, I, 1. Knobel, L. c. ст. 6.

пейскія законодательства, то важность вопроса о причинѣ разсмотренныхъ запрещеній становится безспорною.

Исслѣдователи различно смотрятъ на причины запрещенія брачныхъ отношеній въ близкихъ степеняхъ родства. По мнѣнію Михаэлиса ¹⁾, „истинной причины, по которой народъ запрещаетъ браки въ близкихъ степеняхъ родства, нужно искать въ томъ, что безъ этого запрещенія не возможно, при тѣсномъ и постоянномъ сожительствѣ родственныхъ лицъ, предотвратить вторженіе въ семейную жизнь разврата“. Но такое мнѣніе не основательно. Если бы такова была точка зрѣнія самого законодателя, то, какъ справедливо замѣчаетъ Элеръ ²⁾, такіе браки не были бы постыдны сами по себѣ, какъ ихъ называетъ законодатель (Лев. XVІІІ, 17; ХХ, 14 и сл.). Если бы законодатель имѣлъ въ виду ту причину, какую указываетъ Михаэлисъ, то, какъ замѣчаетъ Зальшюцъ ³⁾, онъ плотское преступленіе съ близкими родственницами отнесъ бы въ одну категорию съ подобнымъ же преступленіемъ съ чужими личностями, и только въ виду большей возможности его наложилъ бы на него большее наказаніе. Между тѣмъ законъ высказывается совершенно въ иномъ смыслѣ. Онъ считаетъ ихъ, какъ сказано выше, сами по себѣ величайшею мерзостью, такъ что ханаанитяне за нее изгоняются изъ земли (Лев. XVІІІ, 24 и 25), и вообще довольно ясно заявляетъ, что гнусность и преступность заключаются въ самой сущности плотскихъ отношеній между близкими родственниками. Такое воззрѣніе законодателя на разсматриваемые браки даетъ поводъ къ другому мнѣнію, по которому запрещенія основываются на такъ называемомъ *horror naturalis* или естественномъ отвращеніи, въ силу котораго человѣкъ инстинктивно удаляется отъ брачнаго союза съ людьми, связанными съ нимъ узами и крови, и семейной любви ⁴⁾. Этого основанія нельзя отрицать, потому что таксе чувство дѣйствительно существуетъ, хотя и не такъ крѣпко, чтобы

¹⁾ Michaelis, Mos. Recht, § 108, s. 178 и 179.

²⁾ Oehler, Theologie d. A. Test. § 103, s. 353.

³⁾ Saalschütz Mos. Recht. Kap. 105, § 3.

⁴⁾ Smith, Diction. of the Bible, art. marriage. Winer, Hwb. Art. Ehe.

одно могло служить объясненіемъ запрещеній. Наиболѣе удовлетворительное объясненіе представляетъ Зальшюцъ: основаніе для запрещенія онъ видитъ въ коренномъ различіи родственной любви съ половою ¹⁾.—Родственная любовь, говоритъ онъ, въ своей естественной, первоначальной чистотѣ есть психологическое явленіе, въ сравненіи съ которымъ половая любовь или брачное влеченіе есть нѣчто совершенно отличное, болѣе чувственное. Въ любви родителей, дѣтей къ родителямъ, братьевъ и сестеръ другъ къ другу сказывается особое чувство, но всѣ эти виды любви одинаково исключаютъ указанный чувственный элементъ. Только въ брачномъ союзѣ, который именно поэтому есть самое тѣсное единеніе, сливаются обѣ, половая и родственная любовь вмѣстѣ, и именно такъ, что первая въ предбрачномъ состояніи (когда молодые люди находятся въ состояніи жениха и невѣсты) имѣетъ значеніе одна по мимо другой и ищетъ себѣ удовлетворенія въ заключеніи брака (мы считаемъ излишнимъ, замѣчаетъ авторъ, говорить, что подѣ человѣческою половою любовью мы разумѣемъ не просто животную чувственность), но съ заключеніемъ брака начинаетъ развиваться между супругами собственнородственная любовь и наконецъ получаетъ преобладающее значеніе. Поэтому въ самой сущности этихъ человѣческихъ отношеній заключается то, что именно половая любовь, по достиженіи удовлетворенія, мало по малу ризвиваетъ изъ себя родственную любовь (особенно въ высшемъ возрастѣ), но что первоначально изъ сущности родства произшедшая любовь, слѣдовательно любовь между родителями и дѣтьми, братьями и сестрами, сама по себѣ и психологически совершенно не можетъ перейти въ половую. Если бы такимъ образомъ попытаться установить въ указанныхъ отношеніяхъ связь обоихъ видовъ любви посредствомъ брака, то они вмѣсто сліянія скорѣе уничтожили бы другъ друга, причемъ родственная любовь, развивающаяся изъ половой, но не производящая ее и слѣдовательно въ этомъ отношеніи исключаящая ее (откуда любовь отца къ сыну и дочери, любовь дитяти къ матери и отцу безразлично равна), при неестественномъ соединеніи совершенно пара-

¹⁾ Saalschütz, Mos. Recht, Kap. 105, § 3, s. 775.

лизовалась бы, но и на мѣсто дѣйствительно человѣческой половой любви, съ ея духовно-нравственнымъ характеромъ, получила бы преобладаніе просто животночувственная склонность ¹⁾. Отсюда у тѣхъ народовъ, гдѣ допускались брачныя отношенія съ близкими родственниками (напр. у ханаанитянъ, египтянъ и др.), наступало полное извращеніе естественныхъ состояній и склонностей, причемъ какъ родственная, такъ и брачная любовь уступали мѣсто грубой чувственности, благодаря которой человѣкъ смотрѣлъ на свою мать, дочь, сестру, супругу не какъ на существо, достойное по самому такому отношенію ихъ къ нему уваженія, но какъ на безграничное средство для удовлетворенія его плотской потребности. Насколько у этихъ народовъ, которые имѣли постыдночувственные культы (Phalluscultus и др.), плотское получало преобладаніе насчетъ духовнаго, извѣстно, и человѣческое достоинство требуетъ признать, что такое состояніе ненормально, и потому законодательство, имѣющее своимъ назначеніемъ дать подобающее значеніе духовному, нравственному элементу, должно уничтожить такое состояніе. Но и помимо разнузданной безнравственности, которая должна вообще повести за собою уничтоженіе естественныхъ границъ между родственною и половую любовью, эти оба вида любви сами по себѣ въ своей отдѣльной формѣ такъ важны для цѣлаго строя государственной жизни, что каждый мудрый законодатель непременно долженъ обратить свое первое вниманіе на то, чтобы сохранить ихъ въ ихъ чистотѣ и отдѣльности. Такъ, и для полученія нравственно и физически здороваго поколѣнія, онъ долженъ стараться о томъ, чтобы половая любовь не ниспадала до степени просто удовлетворенія плотской потребности — безъ всякаго идеальнаго элемента страстной склонности и истинной, высшей любви, такъ какъ для человѣческаго рожденія имѣетъ громадное значеніе духовная жизнь родителей. Съ другой стороны, отношеніе родителей къ дѣтямъ, а равно и то своеобразное чувство, которое плотно соединяетъ братьевъ съ сестрами и вообще близкихъ родственниковъ между собою, соединяетъ любовью, но безъ малѣйшаго возбужденія плотскихъ стра-

¹⁾ Ср. Oehler, Theologie d. A. T. § 103, s. 353—354.

тей, имѣть такое благотворное вліаніе на воспитаніе, на все физическое, умственное и нравственное образованіе подростящихъ поколѣній, что пошатнулся бы весь основанный собственно на нравственныхъ принципахъ государственный строй, если бы указанная отношенія были лишены своей естественной чистоты и не отдѣлялись отъ отношеній не совмѣстимаго съ ними вида.— Моисеево законодательство во всѣхъ относящихся къ разсматриваемому предмету постановленіяхъ является въ высшей степени приспособленнымъ къ тому, чтобы оба отличные другъ отъ друга вида любви—половой и родственной удержать и закрѣпить въ ихъ естественной отдѣльности другъ отъ друга. Средства, которыя вѣрнѣе всего должны были повести къ этому, слѣдующія. Во первыхъ, законодатель тѣ степени родства, на которыхъ человѣкъ въ естественномъ, неспорченномъ состояніи самъ отвращается отъ полового соединенія, исключаетъ отъ всякой возможности брака. Бракъ на этихъ степеняхъ онъ клеймитъ сильными выраженіями, называетъ его неестественнымъ преступленіемъ и мерзостью, постыднымъ беззаконіемъ, преступленіемъ противъ кровнаго родства, сладострастіемъ, противоестественнымъ крово-смѣшеніемъ, и угрожаетъ за него строжайшими наказаніями. До какого члена, сообразно указаннымъ выше принципамъ, простирается близкое родство, это можно опредѣлить только психологическими опытами. На такихъ опытахъ и основываются разсмотрѣнныя постановленія Моисея, и они вполне сохраняютъ свое значеніе и по новѣйшее время. „Запрещенія брака на близкихъ степеняхъ родства, говоритъ одинъ изслѣдователь права, даны въ Моисеевомъ законодательствѣ съ такою мудрою опредѣлительностію, что ни одно послѣдующее законодательство не осмѣлилось нарушить ихъ: они до сихъ поръ составляютъ *non plus ultra* канонической свободы (*dispensation*)“¹⁾. Во вторыхъ, законодатель всякую половую склонность ограничиваетъ единственно формою брачнаго союза (что находитъ полное свое оправданіе въ принципѣ Быт. II, 24). Онъ запрещаетъ подѣ страхомъ тягчайшихъ наказаній не только всякое неестественное удовлетвореніе половой потребности, всякій видъ

¹⁾ G a n s, Erbrecht I, s. 136. S a a l s c h ū t z, L. c. s. 778, Anm. 1014.

распутства и соблазна, но и постановляетъ нравственный законъ, по которому нельзя питать пожеланія къ женѣ другаго (Исх. XX, 14; Втор. V, 18). Кто соблазнить дѣвушку, еще не обрученную, тотъ долженъ жениться на ней. Публичныхъ женщинъ законъ совершенно не терпитъ. Даже языческія, захваченныя во время войны рабыни не предавались закономъ необузданной животной похоти плѣвителей, но эти послѣдніе должны были жениться на нихъ, ввести ихъ въ домъ какъ настоящихъ женъ. Подобныя какъ гражданскія, такъ и нравственныя постановленія должны были приучить евреевъ подавлять въ себѣ всѣ незаконныя склонности, а слѣдовательно и въ родственныхъ отношеніяхъ сохранять ихъ естественную чистоту и естественныя права. — Въ каждомъ постановленіи, касающемся брачнаго союза на близкихъ степеняхъ родства, законодатель выразительно даетъ знать, что онъ желаетъ, чтобы родственныя отношенія сохранялись неприкосновенно-священными въ самой ихъ сущности, почему съ точностью обозначаетъ и степени ихъ, и преступленія противъ нихъ. Какъ о женѣ сказано, что она съ мужемъ одна плоть, такъ этотъ же взглядъ перешелъ и на отношенія родственниковъ, и онъ далъ общему запрещенію въ Лев. XVIII, 6 свое филологическое выраженіе (*scheer besago*). Сообразно съ этимъ бракъ съ матерью является двойнымъ, чувственнымъ оскверненіемъ дѣтскаго, слѣд. того родственнаго отношенія, которое главнымъ образомъ обнаруживается въ формѣ *respectus parentelae*, причемъ такой бракъ есть не просто нарушеніе долга почтенія къ матери, но и къ отцу (ст. 7). Равнымъ образомъ преступленіе совершается противъ отца, если сынъ открываетъ наготу своей матери и т. д. Изложенныя выше отдѣльныя опредѣленія тѣсно связаны другъ съ другомъ однимъ понятіемъ кровнаго родства (*scheer besago*), и всѣ ясно направлены къ тому, чтобы предотвратить плотское соединеніе близкихъ родственниковъ, потому что такое соединеніе само по себѣ гнушно и есть плотская разнузданность.

IV.

Замѣчательнымъ исключеніемъ изъ запрещенныхъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства является бракъ съ женою умершаго

бездѣтнымъ брата. Законъ, опредѣляющій такой бракъ, принято технически называть закономъ „левирата“ (по славянски „законъ ужичества“), а самый бракъ— „левиратскимъ бракомъ“ (отъ лат. *levir* — деверь, мужнинъ братъ). Для русскаго изслѣдователя нѣтъ нужды пользоваться латинскимъ выраженіемъ, такъ какъ латинскому *levir* на русскомъ языкѣ вполне соотвѣтствуетъ слово—*деверь*, даже филологически сродное ему. Поэтому мы будемъ разсматриваемый законъ называть „закономъ деверства“, а бракъ— „деверскимъ бракомъ“¹⁾. Сущность этого брака выражена въ постановленіи въ книгѣ Второзаконія, глава XXV, ст. 5—10. „Если братья живутъ вмѣстѣ и одинъ изъ нихъ умретъ, не имѣя у себя сына; то жена умершаго не должна выходить на сторону за человѣка чужаго, но деверь ея долженъ войти къ ней и взять ее себѣ въ жену, и жить съ нею. И первенецъ, котораго она родитъ, останется съ именемъ брата его умершаго, чтобъ имя его не изгладилось во Израилѣ“ (ст. 5 и 6). Дѣлая такое постановленіе, Моисей вводилъ не новый законъ, а юридически опредѣлялъ только древній обычай, существовавшій у еврейскаго народа за долго до Моисея. Первый примѣръ такого брака мы видимъ въ семействѣ Іуды—въ патріархальный періодъ. Когда старшій сынъ Іуды Иръ умеръ безъ потомства, то отецъ отдалъ жену его Ѳомаръ своему второму сыну Онану „для возстановленія сѣмени брату своему“ (Быт. XXXVIII, 8). Но Онанъ, „зная, что сѣмя будетъ не ему“ и не желая лишить себя тѣмъ наслѣдства и права старшинства, которыя послѣ смерти брата первенца должны были перейти къ нему, предпочелъ то половое злоупотребленіе, которое, лишая его физической способности къ произведенію дѣтей, не избавило однакоже отъ первенца-соперника, а только дало его имени печальную извѣстность (ст. 9). Законъ деверства въ то время повидимому имѣлъ вполне обязательную силу, такъ какъ Онанъ при всемъ своемъ нежеланіи не отказался исполнить его, и только тайно хотѣлъ обойти законъ. Моисей нѣсколь-

¹⁾ Талмудисты для названія этого брака употребляютъ терминъ *уе в и ш*, отъ *у а в а ш*, «мужнинъ братъ». Отсюда трактатъ объ этомъ бракѣ въ Мишнахъ называется *уе в а ш о т*. Отъ этого же корня происходитъ глаголъ *у и б б и м*—заключать такой бракъ (Быт. XXXVIII, 8). См. *S m i t h*, Dict. art. Marriage, p. 246.

ко ослабляеть эту обязательность, такъ что допускаеть возможность отказа, хотя обставляетъ его такими формальностями, которыя очевидно имѣють въ виду—косвенное принужденіе къ исполненію закона деверства. „Если деверь не захочетъ взять невѣстку свою, то невѣстка его пойдетъ къ воротамъ, къ старѣйшинамъ, и скажетъ: деверь мой отказывается возстановить имя брата своего въ Израилѣ, не хочетъ жениться на мнѣ. Тогда старѣйшины города его должны призвать его и уговаривать его, и если онъ станетъ и скажетъ: не хочу взять ее; тогда невѣстка его пусть подойдетъ къ нему въ глазахъ старѣйшинъ, и сниметъ сапогъ его съ ноги его, и плюнетъ въ лицо его и скажетъ: такъ поступаютъ съ человѣкомъ, который не созидаетъ дома брату своему (у Израиля). И нарекутъ ему имя въ Израилѣ: домъ разутаго“ (Вт. XXV, 7—10). Вся эта церемонія очевидно имѣетъ унижительный характеръ и имѣетъ прямою цѣлю заставить деверя возстановить сѣмя умершему брату. Зальцюцъ предлагаетъ другое пониманіе этой церемоніи и видитъ въ ней просто формальное выраженіе отказа. Такое пониманіе онъ хочетъ обосновать на словахъ книги Руевъ: „прежде былъ такой обычай у Израиля при выкупѣ и при мѣнѣ, для подтвержденія какого либо дѣла: одинъ снималъ сапогъ свой и давалъ другому (который принималъ право родственника), и это было свидѣтельствомъ у Израиля“ (IV, 7). „Этой церемоніей, говоритъ изслѣдователь, ближайшій родственникъ давалъ знать, что онъ отказывается отъ своихъ правъ на владѣнія Руевъ и отъ соединеннаго съ ними обязательнаго брака съ нею въ пользу Вооза (ст. 8—10). Такой же смыслъ, продолжаетъ изслѣдователь, имѣетъ церемонія и въ разсматриваемомъ мѣстѣ закона т. е. Втор. XXV, 7—10. Братъ мужа отказывается въ отношеніи къ вдовѣ, которая въ подтвержденіе этого отказа снимаетъ у него сапогъ, отъ всѣхъ своихъ правъ, а права эти не какія другія, какъ права на обладаніе имуществомъ умершаго мужа, съ которымъ связывается обязанность жениться на вдовѣ. Можетъ быть въ томъ, что здѣсь родственникъ не самъ снималъ свой сапогъ, но его снимала женщина, должно было заключаться и что нибудь оскорбительное“¹⁾. Но такое пониманіе

¹⁾ Saalschütz, M. R. Kap. 104, § 4. s. 762 и 763.

едвали основательно, если даже допустить съ изслѣдователемъ то объясненіе, что женщина плевала не въ лицо отказчику, а просто въ землю ¹⁾). Всѣ черты этой церемоніи—перенесеніе дѣла на публичный судъ, убѣжденія со стороны старѣйшинъ, публичное снятіе сапога, считавшагося въ древности синонимомъ владѣнія, плеваніе—даже на землю предъ глазами отказчика, формула приговора, не имѣющая ничего лестнаго, и наконецъ самое прозваніе, присвоившееся въ народѣ такому человѣку—все это составляетъ достаточное опроверженіе пониманія Зальшюца. Притомъ самая ссылка его на книгу Руоѣ не подтверждаетъ его мнѣнія. Событіе, рассказанное въ книгѣ Руоѣ, имѣетъ совершенно иной характеръ, только по внѣшности имѣющей сходство съ закономъ деверства. Воозъ по отношенію къ Руоѣ стоялъ не въ положеніи девера (онъ былъ двоюродный братъ ея мужа), но въ положеніи *гоела*, или вообще близкаго родственника, обязаннаго по закону Лев. XXV, 25 выкупать наслѣдственное владѣніе въ случаѣ его продажи, что онъ, послѣ отказа болѣе близкаго родственника, и дѣлаетъ по отношенію къ наслѣдственному владѣнію Неемини. Повидимому гоель въ силу обычая обыкновенно вмѣстѣ съ выкупомъ наслѣдства женился на наслѣдницѣ, но во всякомъ случаѣ этотъ обычай былъ не тоже, что законъ деверства, хотя изслѣдователи ихъ обыкновенно и смѣшиваютъ между собою, какъ это напр. случилось даже съ такимъ знатокомъ древностей еврейскихъ, какъ Іосифъ Флавій ²⁾). Въ дѣлѣ Руоѣ снятіе сапога и притомъ самимъ владѣтелемъ его дѣйствительно служило доказательствомъ предоставленія права выкупа другому, чего по закону деверства нельзя было сдѣлать по самому существу этого закона, такъ какъ *только* деверемъ ограничивалъ законъ исполненіе обязанности „возстановленія сѣмени“. Истинный смыслъ церемоніи еще болѣе выяснится изъ опредѣленія цѣли и характера закона деверства.

О причинахъ и цѣляхъ закона деверства высказывалось много

¹⁾ Ibidem, Anmerk. 984, s. 759. Въ большинствѣ переводовъ стоитъ ясное выраженіе: «spuet in faciem eius». Waltonus, Biblia Polyglotta, l. c.

²⁾ Ant. V, 9, 4. Smith, art. Marriage, p. 246 и 247, note g.

различныхъ мнѣній ¹⁾). Но истинной причины и объясненія его нужно искать во взглядахъ древнихъ восточныхъ народовъ, по которымъ сохраненіе имени въ потомствѣ считалось величайшимъ счастьемъ, и наоборотъ, прекращеніе рода—величайшимъ несчастіемъ. Такой взглядъ особенно былъ господствующимъ у евреевъ, изъ которыхъ каждый желалъ принять участіе въ обѣтованіи, данномъ праотцу Аврааму, что „въ его сѣмени благословятся всѣ народы земли“ (Быт. XXVI, 4). Поэтому для еврейской женщины бездѣтство было истиннымъ несчастіемъ, даже безчестіемъ, отъ котораго она всячески старалась избавиться (Быт. XXXVIII). Моисеевъ законъ является подтвержденіемъ обычая, выразившаго собою этотъ взглядъ. Сообразно съ этимъ взглядомъ, отказавшійся возстановить сѣмя брата является не только противникомъ укоренившагося обычая и закона, но своимъ отказомъ выражалъ нежеланіе смыть безчестіе съ жены брата и вмѣстѣ съ тѣмъ неуваженіе къ памяти покойнаго. Отсюда ясна несостоятельность мнѣнія Зальшюца о характерѣ и значеніи формальностей при отказѣ. Важнымъ основаніемъ для удержанія въ Моисеевомъ государствѣ обычая деверства было и то, что этотъ обычай соотвѣтствовалъ цѣлямъ сохраненія порядка землевладѣнія въ государствѣ. Распредѣливъ землю во владѣніе колѣнамъ, племенамъ и семействамъ, законодатель въ видахъ сохраненія экономическаго равновѣсія постановилъ, чтобы каждое колѣно а также племя и семейство было привязано къ своему надѣлу. Къ этой цѣли направлено общее постановленіе, чтобы дочери-наслѣдницы не выходили замужъ въ другое колѣно (Числь XXXVI, 6 и сл.). Сохраненіе земельной собственности въ родѣ достигалось и разсматриваемымъ закономъ деверства, такъ какъ иначе вдова—владѣтельница, выйдя замужъ за чужаго, отторгала бы земельное владѣніе отъ своего рода.—Законъ деверства не есть исключительная принадлежность еврейскаго народа: онъ существовалъ и у другихъ народовъ, и по настоящее время существуетъ въ Аравіи и у нѣкоторыхъ племенъ на Кавказѣ ²⁾).

А. Л—хинъ.

¹⁾ См. Saalschütz, Kap. 104, § 1.

²⁾ K n o b e l, Erklärung zu Deuteronomicon, XXV, 5—10.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки